

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

Столяров Ю. Н.

СЛОВАМ ТЕСНО, А МЫСЛЯМ ПРОСТОРНО
[об учебнике О. П. Коршунова «Библиографоведение.
Общий курс»]

Учебник «Библиографоведение. Общий курс»¹ — незаурядное явление в библиографоведении, да и в библиотековедении тоже. Он суммирует и систематизирует все положительное, что накоплено в этой дисциплине за последние десятилетия. А накоплено немало, если учесть, что 1970-е гг. с появлением, главным образом, трудов О. П. Коршунова, стали временем прорыва библиографоведения на качественно новый уровень развития. И то обстоятельство, что автором данного учебника

является именно О. П. Коршунов, вызывает чувство удовлетворения, ибо кто же лучше него может подвести итог, очертить новые горизонты библиографоведения.

Вначале несколько слов о структуре учебника. В нем 4 раздела, логически очень тесно между собой спаянных, каждый последующий естественно вытекает из предыдущего. Изложение начинается с фундаментальных основ теории библиографической информации. Раскрывается базовое понятие, формы существования, основные общественные функции, структура и качество библиографической информации. Заканчивается раздел определени-

¹ Коршунов О. П. Библиографоведение: Общий курс. — М.: Кн. палата, 1990. — 232 с.

ем этого исходного для библиографоведения понятия.

Второй раздел дает представление о библиографии как области деятельности. Излагаются основные ее компоненты (объекты, субъекты, цели, процессы, средства и результаты), видовой классификация.

Оба эти раздела имеют общетеоретическую и общеметодологическую ценность. Без каких-либо изменений они могли бы составить ядро некоего международного учебника по данной дисциплине, если бы такое было возможно. Когда-нибудь это, несомненно, произойдет, потому что во всем мире четко обозначилась тенденция к международной интеграции и унификации библиотечно-библиографического и информационного образования. Во всяком случае, сегодня ни в одной стране нет более общих и глубоких библиографоведческих наработок абстрактно-теоретического плана, чем в нашей.

Раскрыв общее, автор переходит к рассмотрению особенного — состоянию библиографии в современном мире (третий раздел). Последний раздел «Библиографоведение — наука о библиографии» — логическое завершение учебника. Его место — именно в конце, когда студент познал все содержание изучаемого предмета и готов к восприятию науки о нем. Акцентирую на этом внимание потому, что в библиотековедческих дисциплинах сложилась менее удачная традиция — сначала давать представление о теории той или иной дисциплины и лишь затем раскрывать существо того, чем она занимается.

Теперь — несколько соображений, навеянных прочтением учебника. Значение первой главы «Библиографическая информация — посредник в системе документальных коммуникаций» далеко выходит за пределы собственно библиографоведения. Содержание параграфа «Система документальных коммуникаций» является методологической основой не только для библиографоведения, но и для библиотековедения, и для информатики, и для книговедения — для всех дисциплин социально-коммуникационного цикла. Сказанное в значительной мере относится и ко второму параграфу «Отношение «книга — читатель» — источник возникновения библиографической информации».

Есть ряд общих, равно существенных и для других курсов положений и в других главах первого раздела. Это — свойство рассеяния-концентрации информации; свойство двойственности информации, которая ценна и своим содержанием, и вещной формой (тут точнее говорить о двойственности документа). О. П. Коршунов делает из этих свойств выводы для библиографической деятельности, но

они по-своему сказываются и в информатике, и при формировании библиотечного фонда, и при каталогизации, и при обслуживании абонента и т. д. Из практики известно, что преподаватели соответствующих курсов в той или иной мере касаются всех этих вопросов: однако вместо углубления и закрепления знаний у студентов происходит их утрата (вновь и вновь встречаясь с уже слышанным и читанным, они припоминают: что-то об этом когда-то мы уже знали, а значит, теперь в суть можно не вникать). С появлением рецензируемого учебника преподавателям других курсов достаточно в необходимых случаях ограничиться отсылкой к нему.

Общепрофессиональное значение имеют рассуждения о документальных потребностях (гл. 3, § 2). Правда, тут лучше бы употребить выражение «документные потребности». Смысловой нюанс состоит в том, что во втором случае имеются в виду потребности в самих документах, тогда как первое выражение более уместно, когда имеются в виду потребности, подтвержденные некими документами, например читательским требованием. В обычной практике этот нюанс, возможно, замечен мало, но для учебного процесса важен. Студент, только что слышавший о документальных потребностях, после звонка на лекции другого преподавателя вдруг слышит, в том же значении, термин «документные потребности». В лучшем случае это вызывает законное недоумение, в худшем — отвращает от обеих дисциплин.

Во втором разделе общезначимо раскрытие понятия «потребитель информации» в отличие от понятия «читатель», соотношения между понятиями «потребность», «интерес» и «запрос», теоретическое описание структуры удовлетворения запросов, определение понятия «отказ» и др.

Из того, что в учебнике есть фрагменты, равно значимые для многих профессиональных дисциплин, следует, что данная проблема должна выйти за рамки учебных дисциплин, т. е. составить самостоятельный учебный предмет, предвещающий собой изучение специальных вопросов. Такое направление перестройки преподавания в настоящее время намечено, оно найдет воплощение в курсе, имеющем рабочее название «Информационные потребности».

Общим для курсов библиографоведения, информатики и библиотечного каталога является изложение структуры и основных характеристик поиска документа с необходимой потребителю информацией. Это обстоятельство свидетельствует о целесообразности (давно обоснованной) создания курса «Аналитико-синтетическая обработка документов», где мо-

гут быть скомплексированы подобные вопросы, что устранит неоправданное дублирование учебного материала. К сожалению, идея такого курса признается лишь на словах. На пути к ее осуществлению лежат пока непроходимые психологические барьеры, нежелание действительно радикально перестроить структуру образования.

О разделе «Библиография в современном мире» придется сказать несколько критических фраз. Не было бы, пожалуй, среди всей нашей учебной литературы лучшего раздела по емкости и отточенности формулировок, полноте и глубине содержания, если бы рецензируемый учебник вышел хотя бы пять лет назад. Но беда в том, что подлинное раскрепощение нашего профессионального научного сознания, действительная перестройка в умах начались совсем недавно и еще далеко не закончились. Ранее все мы лишь созрели и дозревали до понимания того, что же в действительности представляет собой наш объект изучения. К чести О. П. Коршунова надо признать, что ломка, перестройка в осознании идеологических основ библиографоведения, а затем и библиотековедения началась именно с его трудов, публикаций начала 1970-х гг. Но процесс этот протекал медленно и трудно, в условиях идеологической нетерпимости. Лишь к 1985 г. развиваемые О. П. Коршуновым идеи о принципах советской библиографии перестали восприниматься как слишком левые, неортодоксальные. А сейчас и они нуждаются в дальнейшей корректировке и вряд ли уже во всех своих аспектах устраивают самого автора, хотя в их изложении видно сильное движение вперед. Особенно это относится к раскрытию роли общечеловеческого и его соотношения с коммунистически партийным в библиографии. Сегодня вместо того, чтобы говорить об опосредованной и «формационной» партийности, автор более смело и определенно заявил, что в библиографии есть области, к которым понятие партийности в строгом его смысле неприменимо; что наряду с партийностью коммунистической допустимы в нашем обществе и другие (и какие именно) партийности; что изложение принципов советской библиографии можно начинать с более общего, чем партийность, принципа — принципа соответствия, прежде всего, одной из функций библиографии. Тогда оказывается, что коммуникативная и поисковая функции не являются идеологическими в самой своей основе. Таковой, и то не во всех случаях, является оценочная функция. Следовательно, более общий принцип, на котором она строится, — принцип оценки, принцип избирательности и т. п. Критерием же оценки в одном случае может служить соответствие информационному запросу,

в другом — редкость издания и лишь в третьем или четвертом — идеологическая направленность информации. Но и в этом последнем случае в условиях многопартийности современного советского общества она представляет собой целый ряд, определенное место в котором занимает коммунистическая партийность.

Говорю обо всем этом столь уверенно потому, что неоднократно слышал эти мысли от О. П. Коршунова в самые последние месяцы, а недавно они появились и в печати². Увы, технологически наш издательский процесс еще не претерпел перестройки и не в состоянии угнаться за динамизмом общественной жизни, а с нею и теоретической мысли. Впрочем, и в своем сегодняшнем виде трактовка О. П. Коршуновым принципа партийности является самой прогрессивной как в учебной, так и в научной литературе по библиографоведению и библиотековедению.

Не успел автор учебника угнаться и за стремительным изменением внешнеполитической обстановки в мире (глава 10). Параграф «Библиография в социалистических странах» теперь — достояние истории. Конечно, библиографическая деятельность в странах Восточной Европы пока что по инерции во многом идет по-старому, но в том, что она в ближайшее время радикально перестроится, наверное, ни у кого нет сомнений. Освещение этой деятельности дано в учебнике односторонне, исключительно с позитивной стороны.

Более объективно на этом фоне выглядит изложение проблем библиографии в капиталистических странах: положительный опыт представлен крупным планом, подан в уважительном тоне, объективно отмечены недостатки, главным образом, идеологического свойства. На ярких примерах автор показывает отсутствие нейтральности и надпартийности библиографической деятельности. В целом эта глава грешит некоторой прямолинейностью и тенденциозностью в противопоставлении социалистической и буржуазной библиографии. Но думается, не только автору рецензируемого учебника, но и всем нам такая тенденциозность стала заметна только что, когда мы на деле прониклись новым политическим мышлением.

Из последнего раздела («Библиографоведение — наука о библиографии»), в целом стройного, отточенного и по форме, и по содержанию, особое внимание библиотекведов привлечет параграф о соотношении библиографоведения и библиотековедения. Дело в том, что исторически этот вопрос решался по-разному.

² Коршунов О. П. Прошу слова // Сов. библиогр.— 1990.— № 5.— С. 13—18.

Как справедливо отмечено в учебнике, «отдельные библиотековеды считают, что вся библиография — часть (участок) библиотечного дела» (с. 201). Вторая точка зрения — что «это смежные научные дисциплины, которые пересекаются и взаимодействуют» (там же). В данный же момент некоторые библиографоведы стремятся доказать, будто все библиотековедение является библиографоведческим по существу и не имеет таким образом собственной специфики. Наиболее ярко об этом свидетельствует дискуссия, проведенная научным сборником «Советское библиотековедение» в 1989—1990 гг.

О. П. Коршунов выходит из этого противоречия блистательно: вводит понятие структурного дуализма в библиотечно-библиографической науке и практике (с. 203), в соответствии с которым «область совмещения библиотековедения и библиографоведения образует такой раздел научного знания, который можно квалифицировать как библиографическое библиотековедение (по отношению к библиотековедению) или библиотечное библиографоведение (по отношению к библиографоведению)» (см. 202—203).

Немного выходя за рамки жанра рецензии, хотел бы высказать еще одно соображение по данному вопросу, тем более, что О. П. Коршунов признает его сохраняющуюся дискуссионность, необходимость дальнейшей основательной разработки и широкого обсуждения. Процессы, которые О. П. Коршунов определяет как библиографические в сущности и в то же время непосредственно библиотечные, для библиотеки представляют собой реализацию библиографических методов. Но чем больше доказательств применения библиографических методов в библиотечном деле находят библиографоведы, тем большее разочарование их ожидает, ибо нисколько не приближаясь к поставленной цели — утвердить мысль о «вторичности» библиотечного дела, отсутствию у него собственной специфики — они одновременно лишь доказывают известную философскую истину: собственный метод в каждой науке существует лишь за пределами этой науки, как это ни парадоксально выглядит на первый взгляд. Специфика библиотечной деятельности нисколько не страдает от применения библиографических методов в библиотечном деле. Легко показать, что и библиографы в той же самой мере используют библиотечные методы: прежде чем составить библиографи-

ческое описание, библиограф в большинстве случаев должен просмотреть документ, а для этого получить его из библиотечного фонда. Взаимоиспользование методов не умаляет значения и особенностей ни библиографической, ни библиотечной деятельности, не дает повода говорить о поглощении одного из этих видов деятельности другим.

Возвращаясь к рецензируемому учебнику, отмечу, что О. П. Коршунов рассмотрел все семь линий сопряжения и совпадения библиографической, библиотечной и научно-информационной деятельности. Благодаря этому теоретически описан и тем самым четко очерчен предмет каждой из них. Позиции автора раскрыты здесь в творческой дискуссии с А. В. Соколовым, А. И. Барсуком и другими признанными теоретиками. Аналогично вопрос о соотношении библиографоведения и книговедения рассматривается в полемике с таким авторитетным специалистом, как А. А. Беловицкая.

Учебник заканчивается большой главой, раскрывающей основные направления перестройки советской библиографической практики: интеграцию библиографической деятельности в рамках СИБИД, Государственного автоматизированного банка библиографических источников, перестройку системы библиографических пособий и планирования их выпуска. Перестройка научно-исследовательских работ в области библиографоведения видится в ее нацеленности на интенсификацию библиографической деятельности. В развитии нуждается региональное библиографоведение, требуются решения организационные проблемы НИР, в особенности инновационная деятельность.

Учебник написан емким, лаконичным языком. Особенно удачны в нем схемы, разработанные автором. При всей внешней простоте они очень наглядны и исключительно информативны, что, собственно, от них и требуется.

К большому сожалению, учебник не оснащен вспомогательными указателями. Досадно, что это сделано в целях экономии бумаги. Конечно, это мнимая экономия. Мы гораздо больше теряем на культуре книгоиздания, профессиональной культуре библиографа.

В целом учебник полностью соответствует возложенным на него задачам и является хорошим и долгожданным подарком студентам, аспирантам, да и преподавателям.